

выполняли самые „деликатные“ поручения активных сторонников той или иной группировки: распускали клеветнические слухи, порочащие политических противников их патронов, совершали избиения и убийства из-за угла (подобным образом от руки наемных убийц чуть не погиб Либаний). „Их дело, — рассказывает он, — и скандалы в банях, и камни в бассейнах, и издевательства, достойные всяких казней“.¹ Эти „ловкие люди“ целые дни проводили в приемных чиновников, судей, куриалов и, используя эти связи, за плату могли замолвить перед ними словечко для решения дела в пользу заплатившего. Они знали и могли за плату доставить жесвидетелей, передать взятку и т. д. Рядовые граждане их ненавидели. Либаний рассказывает об одном из таких случаев, когда „разнузданность этих нанятых людей (τὴν δὲ ἀσελγείαν τούτων τῶν μισθωτῶν) и тех, кто их наняли... вызвали недовольство всех посетителей бань, и последние воздали должное, кому смогли, били их, таскали, толкали, что вызвало бегство остальных единомышленников“.²

Велика была роль „ловких людей“ и на ипподроме, так как они были связаны и с актерами, и с люмпенпролетариями, которые, кормясь от подачек богачей около ипподрома, в борьбе партий на ипподроме „выражали“ мнение народа. В своей статье М. Я. Сюзюмов приводит интересный материал, показывающий, что их голоса просто покупались за несколько обол.³ В действительности трудовые низы города не так уж часто посещали зрелища, и обычно на ипподроме преобладали среди зрителей в качестве завсегдатаев представители господствующего класса, юноши из богатых домов, „ловкие люди“, люмпенпролетарии. В случае же выступлений против податного гнета и спекуляции продуктами положение было иным: тогда на ипподром стихийно собиралось беднейшее население города, чтобы выразить свое недовольство; состав находившихся на ипподроме был в этих случаях совершенно иным, чем в обычные дни.

Гнет налогов, вымогательства и грабежи правителей и чиновного аппарата, спекуляции крупных землевладельцев и торговцев продовольствием, чрезвычайно усилившиеся в течение IV в., резко ухудшили положение народных масс города. Либаний так описывает его во второй половине IV в.: „Медники, как и остальные ремесленники, сами не спят и не дают спать своим близким... Почему они не спят, какой хозяин их будит? Разве они не свободны и происходят не от свободных? Почему же они живут хуже, чем у нас (рабовладельцев, — I. К.) рабы? Потому, сказали бы они, что хотя нас никто и не купил, наш господин — страх голода, который заставляет нас день и ночь трудиться, грозя ленивым самой жалкой смертью. Под властью этого господина ты найдешь ремесленников и всех мелких торговцев...“.⁴

Это показывает, что интересы свободных трудовых низов города к концу IV в. приходят во все большее противоречие с рабовладельческим строем, который уже не мог обеспечить им сколько-нибудь сносное существование. Он уже не мог улучшить их положение, а мог лишь бесконечно ухудшать. Само их экономическое положение делало их враждебными рабовладельческому строю, помимо их воли толкало на выступления против него, на борьбу с ним. Народные массы выступали не только против податного гнета — против рабовладельческого государства, но и против эксплуатировавших их местных рабовладельцев.

¹ Lib., XXVI, 5.

² Lib., XXVI, 7.

³ М. Я. Сюзюмов, ук. соч., стр. 119.

⁴ Lib., XXV, 36.